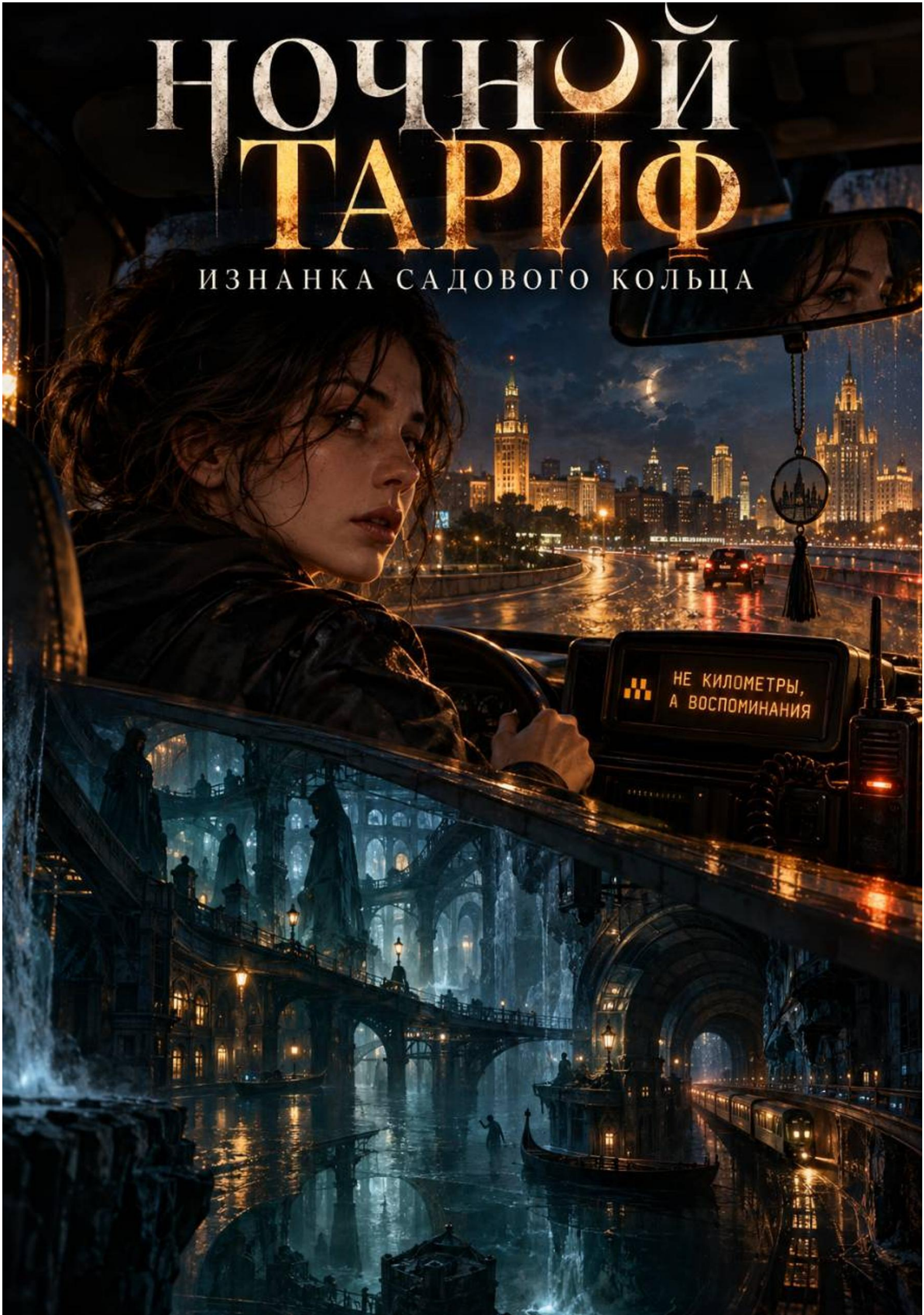

НОЧНОЙ
ТАРИФ
ИЗНАНКА САДОВОГО КОЛЬЦА
НЕ КИЛОМЕТРЫ,
А ВОСПОМИНАНИЯ

Милана Панова

Ночной тариф. Изнанка Садового кольца

«Автор»
2026

Панова М.

Ночной тариф. Изнанка Садового кольца / М. Панова — «Автор», 2026

Два года назад фельдшер скорой Вера Ланская держала на руках умирающего напарника в Лефортовском тоннеле. С тех пор она не спит и ночами крутит баранку такси.В 3:33 мёртвая рация в её машине вдруг оживает. Диспетчер Марта Ильинична даёт первый адрес, и Садовое кольцо уходит вниз, в Изнанку, Москву под Москвой. Здесь бездомные домовые ищут угол, речные духи ловят попутку, метро выбивает долги, а за проезд платят воспоминаниями.Однажды пассажир расплачивается памятью об убийстве. В ней Вера видит, что через двенадцать дней в том самом тоннеле умрёт старик, хранящий всю боль города. А над телом будет стоять она сама.Девелопер Аркадий Вяземский предлагает сделку: он сотрёт её горе без следа. Нужно лишь в ту ночь остаться дома.Двенадцать дней. Один тоннель. Забыть или помнить, даже если память убивает?

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три тридцать три 6
Глава 2. Гоша 9
Глава 3. Пассажир в сером 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Милана Панова
Ночной тариф. Изнанка Садового кольца

НОЧНОЙ ТАРИФ.
Изнанка Садового кольца.
Роман
Счётчик в моём такси считает не километры,
а то, что вы готовы забыть.

Содержание

Глава 1. Три тридцать три 1
Глава 2. Гоша 1
Глава 3. Пассажир в сером 1
Глава 4. Капитан Самохин 1
Глава 5. Вяземский 1
Глава 6. Хозяйка Неглинки 1
Глава 7. Архивариус 1
Глава 8. Долг метрополитена 1
Глава 9. Марта Ильинична 1
Глава 10. Тридцать восемь минут 1
Глава 11. Тридцать первое октября 1
Эпилог. Первый снег 1

Глава 1. Три тридцать три

Счётчик в моём такси считает не километры, а то, что вы готовы забыть. Но в ту ночь, когда всё началось, я ещё об этом не знала. В ту ночь он считал рубли, как положено, и показывал жалкие четыре тысячи за смену.

Октябрь в Москве — это не месяц, а состояние. Дождь не идёт, а висит в воздухе, фонари расплываются жёлтыми кляксами, и город становится похож на старую фотографию, которую слишком долго держали в руках. Я любила ночные смены именно за это. Днём Москва кричит, толкается, сигналит. Ночью она шепчет.

Я не спала уже два года. То есть спала, конечно, — часа по три, урывками, днём, задёрнув шторы и надев маску для глаз. Но по-настоящему, так, чтобы закрыть глаза и провалиться, — нет. С тех пор как в Лефортовском тоннеле в нашу скорую влетела фура без тормозов. Лёшка Корнеев, мой напарник, сидел справа. Я сидела слева. Это вся разница между нами, если подумать. Право и лево.

Мне предлагали психолога. Мне предлагали таблетки. Я выбрала руль. Когда ты фельдшер и не можешь больше слышать слово «вызов», а спать не можешь вообще, ночное такси — почти логичный выбор. Ты всё ещё едешь куда-то среди ночи. Только теперь никто не умирает.

По крайней мере, так я думала.

В три двадцать восемь я высадила пьяного айтишника у высотки на Котельнической и встала на аварийке, чтобы выпить кофе из термоса. Приложение молчало. Рация — старая, ещё от прежнего владельца машины, я её так и не сняла — тихо шипела на пустой частоте. Я всегда её включала. Под шипение лучше думалось.

В три тридцать две навигатор сам по себе ожил и проложил маршрут.

Я не нажимала ничего. Экран засветился синим, и бодрый женский голос сказал: «Маршрут построен. Садовое кольцо, внешняя сторона. Время в пути — бесконечно». Я засмеялась. Подумала — глюк, обновление, кто-то из разработчиков решил пошутить. Потянулась выключить.

В три тридцать три рация перестала шипеть.

— Ланская, — сказал в ней женский голос, хриплый, прокуренный, как у буфетчицы с вокзала. — Ты на линии. Клиент на Таганке, у театра. Не заставляй ждать, он старенький.

Я посмотрела на рацию. Потом на телефон. Потом снова на рацию.

— Кто это? — спросила я, нажав кнопку.

— Марта Ильинична, — ответили мне так, будто это всё объясняло. — Диспетчер. Езжай, детка. Первый заказ всегда лёгкий.

Нормальный человек выключил бы рацию и поехал домой. Я нормальным человеком перестала быть два года назад, в тоннеле. Я поехала на Таганку.

У театра стоял старик. Высокий, сутулый, в длинном сером пальто с каракулевым воротником, какие носили, наверное, при Хрущёве. Шляпа. Трость. Лицо — как скомканная и заново разглаженная бумага. Он поднял руку, будто ловил машину на углу в пятьдесят девятом году, и я остановилась.

— Доброй ночи, — сказал он, устраиваясь на заднем сиденье. Голос был мягкий, с интеллигентным «чтобы» через «ш». — На Садовое, пожалуйста. Просто по кругу.

— По кругу — это как? — уточнила я. — Сколько кругов?

— Пока не приедем.

Я пожала плечами и тронулась. В конце концов, ночные пассажиры бывают разные. Был у меня один, который просил ездить по МКАДу, пока он не допоёт все песни Высоцкого. Пел четыре часа. Заплатил щедро.

Мы выехали на Садовое. Было пусто — неестественно пусто даже для этого часа. Ни одной машины навстречу, ни одной в зеркале. Светофоры горели зелёным, все подряд, как будто ждали именно нас. Я проехала Курский вокзал, Красные Ворота, Сухаревскую. Старик смотрел в окно и молчал.

Где-то после Маяковской я заметила, что дома за окном меняются.

Сначала мелочи. Вывеска «Макдоналдса» вдруг стала вывеской «Гастроном». Стеклянная коробка бизнес-центра на углу исчезла, а на её месте стоял двухэтажный жёлтый особнячок с мезонином. Потом пропали рекламные экраны, и вместо них появились растяжки с какими-то лозунгами, которых я не успевала прочитать. Дорога пошла под уклон — плавно, почти незаметно, но я чувствовала это руками на руле. Садовое кольцо, которое по всем законам геометрии должно было замкнуться, уходило вниз. Как спираль. Как воронка.

— Не волнуйтесь, — сказал старик, не отрываясь от окна. — Вы всё правильно делаете. Главное — не останавливайтесь и не оборачивайтесь назад, когда въедем.

— Куда въедем? — голос у меня был спокойный. Это профессиональное. Когда у фельдшера начинается паника, она уходит внутрь, а снаружи остаётся ровный голос и твёрдые руки.

— В Изнанку, — сказал он. — Там, налево, будет арка. Вам туда.

Арка была. Её не могло быть, потому что я знала Садовое как свои пять пальцев, но она была: каменная, с облупившейся лепниной, и под ней — темнота, мягкая, как бархат. Я повернула.

Изнанку я тогда толком не разглядела. Помню только ощущение — будто въехала внутрь старого шкафа, где пахнет нафталином, яблоками и чужим детством. Улицы были узкие, кривые, мощёные. Окна горели жёлтым, тёплым светом, и в каждом кто-то был — тени, силуэты, двигавшиеся медленно, как во сне. Фонари здесь были газовые. Я не знаю, откуда я это знала, но знала.

— Вот здесь, — сказал старик. — У рюмочной.

Я остановилась у низенькой двери с табличкой без букв. Старик полез во внутренний карман пальто.

— Сколько я вам должен?

Я посмотрела на счётчик. Там, где обычно светились рубли, было написано: «1 воспоминание (сред. ценность)».

— Тут… — я сглотнула. — Тут написано, что одно воспоминание.

— Средней ценности, — кивнул он. — Разумно. Марта Ильинична никогда не завышает. — Он протянул мне руку ладонью вверх. — Дайте руку, Вера Андреевна.

Я не говорила ему, как меня зовут.

Я дала ему руку.

И пошёл снег.

Не на улице — во мне. Я стояла во дворе на Арбате, мне было девять лет, на мне было колючее пальто, перешитое из маминого, и с неба падали первые в том году снежинки — крупные, медленные, такие, что можно было разглядеть каждую. Я ловила их языком. Где-то рядом смеялась девочка по имени Люся. Пахло печным дымом и мандаринами, которые отец принёс вчера из какого-то распределителя. Был ноябрь шестьдесят первого года, и я была абсолютно, невозможно счастлива.

Потом я снова сидела в машине. Руки дрожали. На языке таял снег, которого не было.

— Это… — прошептала я.

— Первый снег шестьдесят первого, — сказал старик и улыбнулся. — Хороший был снег. Оставьте себе, Вера Андреевна. Вам пригодится. У вас, мне кажется, мало таких.

Он вышел из машины, постучал тростью по двери рюмочной и исчез внутри. А я сидела, вцепившись в руль, и плакала — впервые за два года. Не от горя. От того, что в шестьдесят первом году во дворе на Арбате было так хорошо.

Рация щёлкнула.

— Добро пожаловать на линию, Ланская, — сказала Марта Ильинична. — Обратная дорога — прямо и направо, через Неглинку. Смена до пяти. Не опаздывай.

* * *

Домой я вернулась в шесть утра. Легла. И уснула — сразу, мгновенно, как в детстве. Мне снился снег.

Глава 2. Гоша

Следующие три ночи я убеждала себя, что сошла с ума.

Это было разумное объяснение. Посттравматическое расстройство, хроническая бессонница, переутомление — я сама могла бы написать в карточке что-нибудь подобное. Галлюцинация на фоне истощения. Покой, сон, наблюдение у специалиста.

Проблема была в том, что я помнила снег шестьдесят первого года. Помнила так, как помнят своё. Я помнила, что у Люси были красные варежки на резинке, продетой через рукава. Помнила, что отец — не мой отец, а того мальчика, который тогда ловил снег, — работал на заводе имени Лихачёва и приносил домой запах металла. Я даже помнила, что мальчика звали Сёма.

Сумасшедшие не помнят чужих варежек.

На четвёртую ночь рация молчала, и я почти обрадовалась. Возила обычных пассажиров, обычных пьяных, обычных усталых медсестёр после смены. Около двух ночи заказ привёл меня в Кузьминки, к новому жилому комплексу, а на обратном пути я свернула не туда и оказалась у забора стройки.

За забором сносили пятиэтажку. Вернее, уже снесли. Остался угол — две стены, сходящиеся буквой «Г», с обоями в цветочек на третьем этаже, с чьей-то полкой, на которой так и стояла забытая ваза. Экскаватор спал, уронив ковш в кучу битого кирпича. Прожектор на столбе освещал всё это мертвенно-белым.

И кто-то плакал.

Я остановилась. Плач был тонкий, жалобный, совсем не человеческий — так скулит щенок, которого оставили одного в пустой квартире. Я вышла из машины. Подошла к забору. Через дыру в сетке пролезла на стройплощадку — фельдшерская привычка: где плачут, туда и идёшь, а потом уже думаешь.

Он сидел на куче кирпичей, прямо под прожектором. Ростом с трёхлетнего ребёнка, лохматый, бородатый, в чём-то вроде ватника, перетянутого бечёвкой. Глаза — круглые, жёлтые, как у совы. В руках он держал облезлый тапок с помпоном и раскачивался вперёд-назад.

— Эй, — сказала я тихо. Как говорят с ранеными. — Эй. Ты как?

Он поднял на меня глаза. Перестал раскачиваться.

— Видишь меня? — спросил он хрипло.

— Вижу.

— Ну и дура, — сказал он и снова заплакал.

Я села рядом на кирпичи. Помолчала. Потом достала из кармана куртки пакетик семечек — я грызла их за рулём, чтобы не засыпать в те редкие ночи, когда всё-таки хотелось спать. Протянула.

Он посмотрел на семечки. Потом на меня. Потом взял пакетик целиком.

— Гоша, — сказал он, разгрызая первую. — Георгий Пантелеймонович, если по-правильному. Домовой. Был.

— Почему был?

Он обвёл рукой кирпичи, угол, вазу на полке.

— Вот мой дом. Шестьдесят три года. С самой постройки. Я тут каждую трубу знал, каждую мышь по имени. В сорок второй квартире бабка Зина жила, я ей очки находил, она вечно их теряла. В двадцать седьмой мальчишка рос, Димка, я ему кошмары по ночам отгонял. Потом Димка вырос, уехал, у него свои дети. А я остался. А теперь дома нет. — Он шмыгнул носом. — Когда дом сносят, домовой обычно вместе с ним уходит. Растворяется. Как сахар в чае. А я вот не растворился. Не знаю почему. Сижу, жду.

— Чего ждёшь?

— Да хоть чего-нибудь.

Он протянул мне тапок с помпоном.

— Это бабки Зины. Она его тут оставила, когда переселяли. Её в новостройку отвезли, на двадцать второй этаж. Там у неё домового нет. В новостройках вообще никого нет. Пустые они. Как скорлупа.

Я посмотрела на тапок. На Гошу. На свою машину за забором.

— Пошли, — сказала я.

— Куда?

— Ко мне. У меня, правда, тоже не дом, а съёмная однушка. Но там есть чайник.

Гоша долго смотрел на меня жёлтыми глазами.

— Домовой не может просто так к человеку переехать, — сказал он наконец. — Его позвать надо. По-правильному. С уважением.

Я вздохнула. Встала. Поклонилась — неловко, по-дурацки, как в детском спектакле.

— Георгий Пантелеймонович, — сказала я. — Милости прошу. Только у меня машина вместо дома, я в ней больше живу, чем в квартире.

Гоша вдруг засмеялся — скрипуче, как старая дверь.

— Машина так машина, — сказал он. — Хоть на колёсах, зато своё. Бардачок у тебя большой?

* * *

Бардачок у меня оказался большой. Гоша занял его целиком, выкинув оттуда страховку, зарядку и пачку влажных салфеток, и устроил себе гнездо из моего старого шарфа. Тапок бабки Зины он положил под голову.

Остаток ночи он мне объяснял.

— Изнанка, — говорил он, высунув голову из бардачка и щурясь на встречные фары, — это не другой город. Это тот же самый. Только его память. Всё, что Москва помнит, — всё там. Дома, которых уже нет. Люди, которых уже нет. Слова, которых больше не говорят. Чем дольше город живёт, тем Изнанка больше.

— А вы? Домовые?

— А мы на шве живём. Между. Мы дома держим, чтобы они помнили, кто в них жил. Без нас дом — просто бетон.

— А старик в сером пальто?

Гоша замолчал. Надолго. Потом сказал:

— Если он тебе воспоминание отдал, ты его береги. Это не простое воспоминание. И старик не простой.

— Кто он?

— Не знаю, — буркнул Гоша. Я сразу поняла, что знает. — Слушай лучше правила. Их три. Первое: никогда не бери в оплату чужое имя. Второе: никогда не называй своё полное имя тем, кто живёт внизу. Третье — самое главное. Никогда не бери воспоминание о смерти.

— Почему?

— Потому что такое воспоминание берёт тебя.

Я кивнула. Запомнила. Как запоминала когда-то протоколы реанимации — механически, на всякий случай.

Через неделю я нарушила третье правило.

Глава 3. Пассажир в сером

Работа на линии оказалась похожа на обычную работу. Это меня удивило больше всего.

Марта Ильинична выходила на связь каждую ночь ровно в три тридцать три. Давала заказ — коротко, без лишних слов. Пассажиры были разные. Тощая девушка с волосами цвета речной тины, которая попросила отвезти её от Яузы до Москвы-реки и всю дорогу держала руки в бутылке с водой. Толстый усатый мужчина в форме городового царских времён, который ехал с Хитровки на Сухаревку и ругал нынешних извозчиков. Мальчик лет десяти в пионерском галстуке, который просто хотел посмотреть, как сейчас выглядит Красная площадь, и долго молча стоял у Лобного места, а потом сел обратно в машину и сказал: «Красиво. Но мы думали, будет по-другому».

Платили все воспоминаниями. Тина-девушка — запахом сирени в Нескучном саду в каком-то мае. Городовой — вкусом сбитня на морозе. Мальчик — тем, как он впервые увидел салют в сорок пятом, сидя у отца на плечах. Я хранила их все. Не продавала, хотя Гоша объяснил, что можно: внизу, на Хитровом рынке Изнанки, за хорошее воспоминание давали много. Можно было купить себе год жизни. Или сон без кошмаров. Или забыть что-нибудь.

— Забыть — это самый ходовой товар, — говорил Гоша, лузгая семечки. — Все хотят что-то забыть. Только не все понимают, что дыра остаётся. Забудешь плохое — а вместе с ним то, что было рядом. Вырвешь зуб — соседний шатается.

Я не продавала. Я спала. Впервые за два года я спала каждую ночь после смены — по шесть, по семь часов, и мне снились чужие сны: сирень, сбитень, салют. Это было лучше любых таблеток.

На восьмую ночь в три тридцать три рация сказала:

— Ланская, клиент у Лефортовского моста. Мужчина. Будь аккуратна.

Марта Ильинична никогда раньше не говорила «будь аккуратна».

У моста стоял человек в сером плаще. Не в пальто, как старик, — в плаще, длинном, мышиного цвета, с поднятым воротником. Лица я не разглядела: оно было в тени, а когда он сел на заднее сиденье, свет в салоне почему-то мигнул и погас.

— Шоссе Энтузиастов, — сказал он. Голос был ровный, никакой. Не мужской и не женский, не старый и не молодой. — Через тоннель.

Я вцепилась в руль.

— Через какой тоннель?

— Через Лефортовский, — сказал он. — Через какой же ещё.

Я не ездила через Лефортовский тоннель два года. Объезжала. Всегда. Даже если это стоило мне лишних сорока минут и недовольных пассажиров. Гоша в бардачке зашевелился и тихо зашипел — то ли на меня, то ли на пассажира.

— Можно по-другому, — сказала я. — Через Солдатскую быстрее.

— Через тоннель, — повторил серый. — Вы же диспетчеру не откажете?

И я поехала. Я не знаю, почему. Может, потому что Марта Ильинична дала заказ, а на линии не отказываются. Может, потому что голос серого был такой, что ему невозможно было не подчиниться. А может, потому что я сама давно хотела туда вернуться и боялась себе в этом признаться.

Тоннель был пустой. Длинный, гулкий, освещённый рыжими лампами, которые убегали вперёд бесконечной пунктирной линией. Я ехала, глядя строго перед собой, и считала лампы. На сто двенадцатой — я помнила, это было где-то здесь, — у меня перехватило дыхание. Здесь фура вылетела с соседней полосы. Здесь мы перевернулись. Здесь Лёшка…

— Остановите, — сказал серый.

— Здесь нельзя останавливаться.

— Остановите.

Я остановилась. Включила аварийку. Руки на руле были мокрые.

— Сколько я вам должен? — спросил серый.

Я посмотрела на счётчик. На нём было написано: «1 воспоминание (особой ценности)». И ниже, мелко, красным: «Внимание: содержит смерть».

— Я не возьму, — сказала я. — У меня правило.

— Возьмёте, — сказал серый. — Вам нужно это увидеть, Вера Андреевна. Больше, чем кому-либо.

Он протянул руку между сиденьями. Рука была в перчатке, серой, как плащ.

Гоша выскочил из бардачка и вцепился мне в рукав.

— Не смей! — пищал он. — Не смей, дура! Правило! Третье правило!

Я посмотрела на серую перчатку. Потом на Гошу. Потом на сто двенадцатую лампу.

— Это про Лёшку? — спросила я тихо.

Серый не ответил.

Я сняла с себя Гошу — бережно, как котёнка, — посадила на приборную панель. И взяла протянутую руку.

* * *

Я лежала на спине. На мокром асфальте, в тоннеле, под рыжими лампами. Было очень холодно и очень тихо. Я не могла пошевелиться. Я не могла дышать — то есть могла, но каждый вдох был короче предыдущего, и я понимала, профессионально, отстранённо понимала, что это значит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.